

Ячейка была пуста. Совершенно пуста, тут не могло быть никакой ошибки — он шарил рукой, ощупывая пальцами каждый угол, но нет, ни осязание, ни зрение его не подводили — в ячейке не было ничего. Исчезло все — брошь с бриллиантами, кулон в виде капли — редкий изумруд, серьги с сапфирами. В пересчете на денежные знаки — довольно ощутимая сумма.

Но его напугало не отсутствие драгоценностей. Вместе с ними исчезло кое-что более важное, кое-что такое, от чего в буквальном смысле зависит его жизнь. И неизвестно, в чьих руках теперь это яйцо с иглой, которую ничего не стоит сломать — и тогда... Тогда даже страшно представить, что случится и с ним, и еще с очень многими людьми.

Он обхватил руками голову и застонал. Да, нужно искать — но как сделать это, не привлекая внимания к вроде бы незначительному предмету, в котором теперь заключена его жизнь и его смерть? Как сместить акцент в сторону пропавших драгоценностей, но не выказать того, что дело вовсе не в них?

Деньги — что такое деньги в сравнении с тем, что он может потерять? И даже поделиться ни с кем нельзя, никому нельзя рассказать.

Неужели... жена? Неужели это она?! Ведь больше ни у кого не могло быть доступа к этой ячейке.

Неужели все-таки она?!

Аделина

Ни за что не променяла бы свой город на какой-то другой.

Нет, серьезно — не могла бы просыпаться утром, зная, что на календаре начало декабря, а за окном, например, зеленые пальмы, а не гнущиеся под тяжестью снежных сугробов ветки старого тополя. Да и Новый год без снега для меня вообще не праздник. Наверное, чтобы воспринимать отсутствие снега в декабре как что-то само собой разумеющееся, нужно родиться в ином климате. А я родилась здесь, и потому сугробы в декабре для меня такая же обыденная вещь, как для кого-то морские купания в это время года.

Вот и сегодня, едва выбравшись из постели, я открыла шторы и с удовольствием посмотрела на улицу. Внизу дворник орудовал лопатой, расчищая дорожку, ведущую от подъезда к выходу со двора.

Было еще очень рано — похоже, в такое время встает только мы с Матвеем и дворник. Ну, у дворника работа, а нам до своей еще добраться надо. Кроме того, сегодня нужно решить очень насущный вопрос с приемом на работу нового хирурга.

Я нахмурилась, вспомнив об этом.

Вчера у меня состоялся довольно неприятный раз-

говор с мужем, и я до сих пор считала, что Матвей напрасно настаивает на своем.

Мне казалось, что мы в состоянии справиться с потоком клиентов и без привлечения новых специалистов, которым нужно будет еще и испытательный срок пройти, а два последних кандидата убедили меня, что в своем нежелании я права.

Но Матвея неожиданно поддержал и мой заместитель Васильков, что крайне меня удивило и разозлило.

Сегодня предстоит принять решение, и что-то подсказывало, что придется считаться со мнением Василькова и Мажарова.

Я оттягивала момент, как могла, находила себе десятки дел, до которых раньше не доходили руки, даже собственноручно проверила аптеку, удивив заведующую.

Однако ближе к вечеру в кабинет пришел Матвей, правда, без поддержки в лице Василькова, который почувствовал себя плохо и уехал домой чуть раньше.

Брать нового хирурга не хотелось. Я взвешивала все «за» и «против», но получалось, что без еще одного оперирующего врача нам не справиться. Клиника вышла на новый уровень, клиенты начали приезжать из других городов, и обеспечить своевременное оказание услуг имеющимся количеством врачей уже было трудновато.

— Придется брать, — со вздохом сняв очки, проговорила я.

Матвей, пивший кофе на диване, только улыбнулся. Он знал о моей нелюбви к новым людям — их все время приходится контролировать на первых порах, присматривать за ними, выяснять, соответствуют ли их

навыки стандартам, которых придерживаются в клинике, и все это, разумеется, ложится на мои плечи — никогда не перекладывала это на других хирургов.

— Деля, а выхода нет, — отставив чашку на столик, сказал Мажаров. — Если мы сейчас не усилимся еще одним хирургом, после Нового года вынуждены будем отказываться в госпитализации. Ты ведь не захочешь отказать от социальных программ, не перестанешь работать с теми, кого к нам отправляет городская больница, не прекратишь бесплатно оперировать детей? Значит, нам нужен еще один хирург, который будет делать на первых порах не самые сложные операции, а со временем перейдет и на более объемные.

Я молчала, глядя в окно.

Конец октября и ноябрь в этом году выдались снежные, дня не было, чтобы город и окрестности не заваливало сугробами. Мне приходилось оплачивать работу снегоуборочной машины, чтобы дорога до клиники, пролежавшая через лес, всегда была вычищена.

— Где Новый год будем встречать? — спросила я, оторвавшись от созерцания тихо падающих за окном хлопьев, и Матвей наверняка понял — дальнейший разговор не имеет смысла, я уже все решила, а о результате объявлю, когда окончательно утвержусь во мнении.

— А где ты хочешь?

— Твоя мама предлагала поехать на дачу.

Матвей чуть приподнял бровь:

— С чего вдруг? За то время, что мы с тобой жenate, на даче были раза два, и вдруг ты хочешь Новый год там отмечать?

— А почему нет? Ты только представь — три дня без людей, в тихом дачном поселке, где практически ни-

кого нет, можно даже телефоны отключить, — мечтательно произнесла я, забросив руки за голову и откинувшись на спинку кресла.

— Понятно, значит, выходных в нашей клинике всего три дня, — рассмеялся Матвей, — а все прогрессивное человечество отдыхает десять, между прочим.

— Ты можешь присоединиться к большинству, я ничего не имею против. Но я должна вернуться в город через три дня, чтобы иметь возможность приехать в клинику. Надеяться на дежурантов, сам понимаешь, я не привыкла. Плановых операций не будет, но ведь это не значит, что клиенты должны остаться без врача, правда?

Матвей ничего не ответил на это, отлично зная, что спорить и возражать бесполезно.

Я всегда поступала так, как считала для себя правильным, а клинику любила как ребенка, да, по сути, она и была моим ребенком, эта клиника — капризным, вечно требующим присмотра, немедленно заболевающим, стоит матери отлучиться ненадолго.

Сам по натуре трудоголик, Мажаров не осуждал меня за такое рвение и фанатизм, без этого я никогда не добилась бы того, что имею сейчас.

— Кандидаты-то есть? — спросил муж, имея в виду должность хирурга.

Я молча взяла со стола несколько распечатанных резюме и помахала ими.

Матвей покачал головой:

— Собеседование будешь проводить?

— Нет. Я уже определилась.

— Поделишься?

— Пока нет.

Мажаров только рукой махнул:

— Все, собирайся, домой поедем.

Ульяна

Привыкшее за долгие годы тренировок к нагрузкам тело почти автоматически выполняло утренний комплекс упражнений.

Ульяна чувствовала, как организм просыпается, приходит в форму и готовится к новому дню, от которого многое зависит.

Наскоро приняв душ, она позавтракала соевыми проростками, залпом выпила стакан смузи из шпината и лимона и отправилась выбирать одежду.

Ульяна специально завела будильник на час раньше обычного, знала, что с выбором приличного костюма придется повозиться, потому что с вечера не успела — традиционные мамыны посиделки с яблочным пирогом, от которых нельзя было отказаться, затянулись почти до полуночи.

От съеденного пирога ее всю ночь тошнило, пришлось выпить пару таблеток, так что уснула Ульяна только под утро, но зарядка и душ привели ее в чувство.

Да, сегодня все решится, сегодня — или она опять вынуждена будет выслушивать колкости отчима.

Нахмурившись, Ульяна вошла в гардеробную, устроенную в маленькой кладовке, и принялась перебирать одежду на вешалках.

Рука привычно потянулась к брюкам, но молодая женщина одернула себя — нет, только юбка.

Да, вот эта вполне годится — строгая, чуть ниже колена, к ней можно подобрать блузку... хоть эту, с пышными рукавами и воротником-стойкой.

Оглядев себя в зеркале, Ульяна брезгливо сморщилась и потянулась за косметичкой, испытывая, однако,

к ее содержимому не меньшее отвращение, чем к необходимости надевать юбку.

Через полчаса она уже шла к парковке, где стояла на прогреве темно-вишневая «Мазда» — не новая, но и не битая, как раз такая, какую она могла себе позволить, ни у кого не одалживаясь.

В машине было тепло, Ульяна расстегнула шубу, настроила радио на любимую волну и выехала с парковки.

Путь предстоял неблизкий, за город, и потом еще по лесу, но, если все получится, она, наконец, перестанет в присутствии отчима вжимать голову в плечи и стараться стать как можно незаметнее.

Преодолев настоящий КПП на въезде в клинику, куда, оказывается, попасть можно было только по спецпропуску либо по звонку из административного корпуса, Ульяна припарковала машину на гостевой парковке, как ей велел охранник, и направилась к трехэтажному белому зданию.

Дорожка к нему, как, впрочем, и все дорожки здесь, была уже расчищена и выметена, со скамеек, во множестве расположенных тут и там, тоже был сметен снег.

В холле корпуса Ульяну встретила девушка в голубом жилете и такой же юбке. На лацкане жилета болтался бейджик, и Ульяна успела прочесть надпись: «Алла Махеева, референт».

— Вы — доктор Ненашева? — спросила девушка, сверившись с каким-то листком, укрепленным на планшете, который она держала в руке.

— Да...

— Тогда давайте шубку в гардероб сдадим и пойдем, Аделина Эдуардовна вас ждет.

Вслед за Аллой Ульяна поднялась по широкой лестнице на второй этаж и оказалась в приемной. Девушка указала ей на диван и попросила минуту подождать, а сама скрылась за массивной дверью.

Ульяна присела на край, стараясь не измять юбку и в душе ругая себя за этот выбор.

«Надо было все-таки в брюках ехать... вон складки какие, выгляжу, наверное, неряхой».

Дверь кабинета открылась, в проеме показалась Алла и жестом предложила Ульяне войти.

Ненашева нервно одернула злосчастную юбку, почувствовала, как вспотели ладони, и мысленно выругалась — ну, не хватало только в обморок упасть, а еще хирург.

За столом сидела худощавая блондинка с чуть длинноватым носом и узко посаженными холодными глазами.

Она окинула замершую на пороге кабинета Ульяну быстрым оценивающим взглядом, и пригласила:

— Проходите, Ульяна Борисовна.

Ненашева сделала неловкий шаг, пошатнулась на каблуках, но быстро восстановила равновесие каким-то профессиональным движением и подошла к столу, отодвинула кресло, присела на край, радуясь, что в таком положении мятую юбку владелица клиники не увидит.

— Я просмотрела ваши документы, Ульяна Борисовна. Блестящие рекомендации... — Во взгляде Драгун Ульяна вдруг уловила легкую насмешку и выпрямилась.

— Это не имеет отношения к... — но Драгун перебила:

— Я ведь так не сказала. Я отметила блестящие рекомендации, данные вам коллегами и предыдущим начальником, а вот ему как раз я склонна доверять. Основываясь на них, я готова взять вас на испытательный срок. Но сразу предупреждаю — поблажек не будет, я ко всем врачам отношусь одинаково, независимо от того, по чьей рекомендации они сюда приходят. Мне важно только одно — соответствие стандартам, принятым в моей клинике, и четкое выполнение своих профессиональных обязанностей.

Ульяна почувствовала, что краснеет — так бывало всегда, если с ней начинали разговаривать на повышенных тонах или отчитывали.

— И еще, Ульяна Борисовна... в моей клинике действует правило — все кандидаты проходят собеседование с психологом, он у нас свой и работает как с пациентами, так и с персоналом. Без его заключения я контрактов не подписываю. Если вас все устраивает, можете оформлять документы, Алла покажет, где у нас отдел кадров, — заключила Драгун, не сводя с лица Ульяны взгляда.

— Меня все устраивает, — стараясь четко выговаривать слова, произнесла Ненашева, которую это заявление не очень порадовало.

— Тогда оформляйтесь, встретимся завтра на планерке. Пропуск на территорию вам выдадут, его желательно не оставлять без присмотра, у нас строгий пропускной режим, это делается для комфорта и безопасности клиентов — кстати, в клинике пациентами их не называют. До завтра, Ульяна Борисовна.

Ульяна пошла к двери, затылком ощущая все тот же оценивающий взгляд.

«Я совсем разучилась держать удар... вот сейчас никто не нападал, а я... нет, надо возвращаться к тренировкам, нельзя бросать, это помогает мне держаться, всегда помогало...»

Регина

Все зеркала в доме были завешены простынями, как будто здесь находился покойник.

Собственно, чем я теперь отличаюсь от него? Только тем, что еще дышу и могу передвигаться. Наверное, лучше было бы, чтобы и этого я уже не могла.

Телефонный звонок оторвал меня от тупого рассматривания солнечного пятна на стене — утро выдалось ярким, за окном блестел снег, а солнце лучами пробивалось сквозь шторы. Снег, конечно, внизу, на забранной брусчаткой дорожке, уже превратился в кашу, но крыши все еще выглядят очень привлекательно, как в сказке.

— Алло.

— Регинка, привет! — радостно сказала трубка голосом Максима Османова. — Как делишки?

«Он что — не знает? Удалось, значит, Аришке все замять, никуда инфа не просочилась... глядишь, и отделаюсь легендой о долгосрочном отпуске».

— Нормально. Ты чего звонишь с утра пораньше?

— «Пораньше»?! Это в пятнадцать-то часов утра — пораньше тебе?! — захохотал Османов. — Вот что значит актриса в простое, даже время не дуплишь.

— Ты по делу или так, потрепаться? — перебила я, не желая выслушивать остроты, не имеющие под со-

бой никакой почвы. Османов просто не знал, чем меня уязвить за отказ сниматься в сериале, на котором он был помощником режиссера. И не мог Макс не знать, что я только-только закончила работу, ради которой и отказалась от их предложения. «В простое»!

— Я по делу. Не могу твоей агентше дозвониться, трубку не снимает, а у меня есть сценарий, и там отличная роль для тебя. Да что там... скажу честно, только не проболтайся — роль написана под тебя, так что... ну, сама понимаешь, — многозначительно добавил он.

Мне пришлось вцепиться зубами в губу, чтобы не взвыть в голос, однако это причинило лишь дополнительную боль. Черт...

— Ты чего носом сопишь? Ну, не дозвонился я до Арины, уж прости меня, госпожа прима, пришлось тебя побеспокоить, — продолжал Максим. — Так что — посмотришь сценарий-то? Люди на тебя рассчитывают.

— Присылай, — процедила я, стараясь дышать ровно и мечтая о том моменте, когда Османов положит трубку, а я смогу, наконец, выпить таблетку обезболивающего.

— Тогда курьер подъедет...

— Пришли по электронке.

— Чего вдруг? — удивился Максим.

— Мне так удобнее, — отрезала я. — С экрана читаю.

— Ну, как знаешь. Роль Алисы. Прочитаешь — отзовнись, скажи, что думаешь.

— Хорошо, — процедила я и сбросила звонок, схватила с тумбочки пузырек с таблетками и проглотила сразу две.

Говорить Османову, что читать его сценарий не собираюсь, я не стала. Нет, конечно, рано или поздно все всё узнают, но пока этот момент можно оттянуть, я это сделаю. Хорошо, что моя Аришка понимает и помогает мне, но ведь и она не всесильная. Представляю заголовки желтой прессы, когда все это выплывет... Но черт с ним, с лицом — другое бы не выплыло раньше времени...

Я зажмурилась, но тут же открыла глаза — лицо мгновенно стянуло под повязкой, и острые иглы боли снова вонзились в щеку, скулу и подбородок справа. Нет, нельзя, надо расслабиться...

Обезболивающие помогали на короткое время, потом снова возвращалась боль, я металась по комнатам, то и дело подставляя перебинтованную половину лица под струю воздуха от настольного вентилятора — мне казалось, что так легче.

Ну, где же Аришка, где?! Она сегодня должна была уточнить информацию по клинике и по стоимости пребывания там...

Мне вдруг пришло в голову, что дядя Ариши может и не захотеть куда-то звонить и кого-то просить. Собственно, я-то ему кто? Да и Ариша всего лишь племянница, пусть и любимая. Люди с таким положением, как у Аришкиного дядюшки, обычно ничего не делают бескорыстно, а что ему могу предложить я? Даже в любовницы не гожусь теперь...

Звякнуло оповещение — на электронную почту что-то пришло, наверняка обещанный Османовым сценарий. Может, почитать на досуге, все равно ведь делать нечего? А зачем? Сниматься в этом сериале я не смогу, даже если съемки начнутся через полгода, а Максим ведь явно рассчитывает на более ранний

срок. Зря я вообще согласилась взять этот сценарий, не стоило Макса обманывать, пусть бы искал другую актрису. Даже если роль, как он сказал, написана под меня.

Угрызения совести погнали в кухню, я даже открыла холодильник, но единственное, что меня сейчас в нем заинтересовало, был холод, мгновенно принесший облегчение лицу.

Простояв с засунутой в холодильную камеру головой минут пять, я почувствовала, что она начала кружиться — я ничего толком не ела все эти дни. Но и теперь аппетит не вернулся, я почти с отвращением оглядела содержимое холодильника и закрыла дверку.

Но где же Ариша? За три с небольшим года, что она работает у меня, я привыкла перекидывать на ее плечи все — от покупки продуктов до разговоров с журналистами, хотя, разумеется, первое в обязанности агента никак не входило.

Но у Ариши была только я, так что она легко справлялась со всеми возникавшими делами и даже не заикалась о прибавке к той зарплате, которую мы оговорили в первый день ее работы.

Ариша оказалась человеком с такой низкой самооценкой, что я порой не могла понять, как она вообще живет. Она настолько привыкла не ценить себя, что в ее присутствии я порой казалась себе неприлично богатой, известной, красивой и востребованной.

На самом деле, если бы Ариша захотела, то могла бы и выглядеть иначе, и ходить увереннее, не вжимая голову с копной кудрявых волос в плечи.

От природы блондинка, Ариша имела такие мелкие кудри, словно жила в бигуди, и от этого ее комплек-

сы только возрастали. Если бы она приучила себя делать яркий макияж и подбирать правильную одежду, то вполне была бы миловидной и интересной.

Самое удивительное заключалось в том, что одежду для меня Ариша покупала сама и делала это безукоризненно, с тонким вкусом и изяществом составляя модные комплекты.

Что мешало ей делать то же самое и для себя, ума не приложу, хотя... она, похоже, давно считала мой гардероб своим, так что...

Но где же она, черт ее побери? Неужели мои предчувствия оправдались, и дядюшка ее отказался помочь? Что тогда делать? Что мне тогда делать?

Аделина

Звонок из Москвы раздался сразу после обеда, когда я открыла в компьютере файл с историей болезни и начала вбивать данные последнего осмотра послеоперационной клиентки.

— Аделина Эдуардовна, это вас из Минздрава беспокоят, Семенцов.

— Здравствуйте, Алексей Павлович. Чем обязана?

— Почему сразу — обязаны, Аделина Эдуардовна? Звоню узнать, как дела в вашей клинике.

— Алексей Павлович, мы же не дети. Вы звоните мне только тогда, когда вам что-то нужно. Так давайте сократим время на расшаркивания и сразу перейдем к сути вашего вопроса.

Семенцов захохотал. А мне показалось, что я вижу, как колышется из стороны в сторону его живот, обтя-

нутый белой рубашкой — безобразная, надо признать, картина получилась.

— В общем, вы, конечно, правы. Мне нужна ваша помощь. Ну, не мне лично, а одному близкому мне человеку. Дело в том, что моя племянница Арина работает агентом у Регины Шелест, — последовала многозначительная пауза, призванная, видимо, дать мне понять, какой величины звезда эта самая Шелест. — Так вот... с Региной случилась небольшая неприятность, и мне бы очень хотелось, чтобы вы помогли ей решить эту проблему. Она как раз по вашему профилю, Аделина Эдуардовна, а кроме того, у вашей клиники репутация серьезного заведения, способного обеспечить конфиденциальность. Это важно.

Ну, понятно... актриса или певица — уж не знаю, кто она там, эта Шелест, — решила поправить внешность, а делать это в столице означает неминуемо привлечь к себе внимание желтой прессы. Хотя, положи руку на сердце, кого в наше время этим удивишь? Но, раз уж у дамы есть резон оперироваться в моей клинике, что ж... как говорится, за ваши деньги любые ваши причуды.

— Положим, с этим все будет в порядке. Еще какие-то пожелания?

— Что-то вы сегодня подозрительно стоворчивы, Аделина Эдуардовна, — усмехнулся Семенов.

— Может, потому, что не сделаю вам и вашей племяннице с ее подопечной никаких скидок?

— Так и знал! — расхохотался он, и я снова представила колыхание жировых складок на его брюхе. С его деньгами мог бы, кстати, и на липосакцию ко мне попроситься, раз уж не хватает силы воли заниматься

спортом... — Ну, так я могу передать Арине, что вы согласны и примете ее актрису?

— Да. Прайс я пришлю вам сегодня вечером.

— Оперировать, разумеется, будете сами? — с нажимом уточнил Семенцов.

— Все будет зависеть от объема вмешательства. Я решу вопрос об оперирующем хирурге после осмотра, — тоном, не предполагавшим дальнейших споров, заявила я, и Семенцов вздохнул.

— Ничего-то не меняется в этой жизни, в том числе и ваш крутой нрав, Аделина Эдуардовна.

— Так, может, это и хорошо? Всегда знаете, чего от меня ожидать, Алексей Павлович.

Семенцов снова расхохотался, задал еще пару ничего не значащих вопросов и попрощался.

Я же, положив трубку, долго чувствовала во рту привкус сала, которое не ем.

Матвей пришел к концу рабочего дня, принес две чашки кофе.

— Ты закончила?

— Протокол операции проверяю.

— Своей?

— Нет, Авдеева.

— Проблемы?

— Никаких. Ты ведь знаешь, я читаю протоколы всех операций.

— Даже моих? — рассмеялся муж, поставив свою чашку на столик перед диваном, а мою — слева от компьютера на стол.

— А ты исключение?

Матвей обошел меня, положил руки сзади на плечи и поцеловал в макушку.

— Разумеется. Я лучший хирург в твоей клинике, включая, конечно же, тебя саму.

— Не шути так, Мажаров. Никогда не думала, что тебе так нравятся комплименты, — прижавшись к его руке щекой, пробормотала я.

— Мужа, дорогая моя, нужно чаще хвалить. Ничто так не укрепляет мужскую уверенность, как похвалы от любимой женщины. Пей кофе, пока горячий, и заканчивай. Я пока на диванчике покайфую, очень уж он у тебя удобный. — Матвей еще раз чмокнул меня в макушку и вернулся на диван, раскинувшись там в расслабленной позе.

Я дочитала протокол, пробежала взглядом послеоперационные назначения и закрыла файл с историей.

Все, можно ехать домой. Только вот кофе, действительно, допью, а то в сон клонит.

Закурив сигарету, я потянула к себе чашку и произнесла, глядя в окно:

— Я взяла ее на испытательный срок.

— Ее? Кого — ее? — не понял муж.

— Нового хирурга. Ульяна Борисовна Ненашева, тридцать лет, не замужем. Работала в частной клинике, училась на курсах повышения квалификации в Москве. Первая категория. Бывший начальник дал блестящую характеристику, отзываясь с придыханием, очень жалеет, что она от него ушла. Между прочим, считает, что это я ее сюда переманила, — стряхнув столбик пепла в пепельницу, сказала я. — По виду — странная, какая-то забитая, что ли... хотя фигура хорошая, спортивная, да и лицо приятное. Завтра посмотрю, что из себя в работе представляет, хочу дать ей клиентку из третьей, там ринопластика.

— Ну, посмотрим, посмотрим... Ты всегда неохотно берешь новых людей, так что скепсис твой мне вполне понятен. Но дать шанс надо, вдруг она нам подойдет? И нагрузка на врачей уменьшится, а то мы скоро превратимся в конвейер, а это плохо, сама ведь понимаешь, — Матвей допил кофе, отставил чашку. — Деля... у меня такое ощущение, что ты чем-то озабочена, и это не прием в клинику нового хирурга.

Я вздохнула. Мажаров удивительно умел поймать мое настроение и мгновенно вычислял, когда что-то случалось. Возможно, мои эмоции отражались на лице, хотя прежде никто мне об этом не говорил, я хорошо умею держать себя в руках. Возраст, что ли?

— Был звонок из Москвы. А ты же знаешь, как я не люблю этих «позвоночных», от них почти всегда какие-то проблемы.

— Кто на сей раз?

— Какая-то актриса или певица, судя по тону — известная.

— Ну, ты у нас не киноманка и музыку предпочитаешь классическую, потому ни фамилий, ни лиц не знаешь, а вот подруга твоя наверняка в курсе, можно поинтересоваться, что за птица к нам летит... — Матвей рассмеялся, заметив, как скривилось мое лицо — эти эмоции удерживать в себе я не собиралась.

Моя подруга Оксана Владыкина много лет пыталась хоть бочком протиснуться в мир богемы и киноискусства, но выходило это криво и косо, то есть — никак. Она крутила роман с режиссером Колпаковым, правда, романом это назвать было сложно — Колпаков незатейливо использовал Оксанку, умудряясь даже не заплатить ей за работу, а она написала для него несколь-

ко сценариев и при этом даже имени ее в титрах не было.

Я бы уже после первого такого случая мгновенно стерла имя Колпакова из своей памяти, но Оксанка всегда находила ему нелепые, но, по ее мнению, убедительные оправдания. Когда же Колпаков, пообещав жениться на Владыкиной, повел в ЗАГС какую-то актрису, я понадеялась, что наконец-то моя подруга откроет глаза и увидит, какое на самом деле дерьмо этот ее Арсик, но нет! Оксанка проревела неделю, а стоило Колпакову сунуться к ней с новой просьбой, мгновенно вытерла слезы и засела за очередной сценарий.

После этого я перестала с ней общаться — ну, не понимаю, когда люди позволяют так с собой обращаться, не могу дружить с тем, кто сам себя не уважает. И вот сейчас Матвей предлагал мне обратиться к ней за помощью.

— Меня, знаешь ли, в интернете не забанили, сама найду.

— Ну, не сердись, я просто пошутил. Какая, в сущности, разница, насколько она знаменита, эта актриса или певица, если ей вдруг потребовалась коррекция внешности, правда?

— А я не сказала, что там коррекция, я вообще не знаю, в чем там дело. — Я прижала окурки в пепельнице и встала, расстегивая халат.

Матвей посмотрел на меня с недоумением.

— Ты хочешь сказать, что не поинтересовалась, в чем дело?

— Матвей... ты не хуже моего знаешь, что, когда с просьбой звонят из министерства, лишних вопросов задавать не стоит.

— В клинике все в порядке, чего тебе бояться? Проверок? Мы к ним всегда готовы.

— Матвей, если будет нужно, везде найдут нарушения. Рисковать делом, в которое вложила все, я не хочу, потому не задаю вопросов.

— Влетишь ты когда-нибудь со своими министерскими друзьями, — вздохнул муж, вставая с дивана.

— Давай не будем об этом, — попросила я. — Поедем лучше в ресторан, а? Настроение гульнуть.

Мажаров только головой покачал.

Ульяна

Домой она возвращалась в приподнятом настроении, хоть и чувствовала, что владелице клиники не очень понравилась.

«Ничего, я не за любовью туда иду, — думала она, выезжая за шлагбаум на дорогу. — Мне бы только испытательный срок пройти, а уж работы я не боюсь, да и в навыках своих уверена. Наконец-то смогу делать то, чему столько лет училась. А то, что не нравлюсь Драгун — да какая разница... Говорят, она людей только по уровню владения скальпелем различает».

Неожиданно для себя она вдруг подумала, что дорога, ведущая в клинику, не такая уж мрачная, как показалось ей утром, хоть и проходит через лес.

«Вон деревья какие красивые — как в шубах... и тихо здесь, машин мало совсем, а летом, наверное, вообще прелесть — припарковался на обочине — и гуляй себе, пока не надоест. Хорошее место... и клиника хорошая. Ничего, мне бы только испытательный срок пройти, — снова подумала Ульяна, чувствуя, как ее совсем

отпустило утреннее волнение. — Надо, пожалуй, в поселок заехать, там кафе прямо на въезде, неплохо бы чашку кофе, а то тошнит».

Тошнота всегда накатывала после сильного нервного напряжения — так было после соревнований, например, после контрольных в школе или экзаменов в институте.

Невролог обещал, что с возрастом пройдет, но нет, не прошло. Стоило перенапрячься, и тошнота скручивала весь организм в пружину; помогал, как ни странно, только крепкий кофе без сахара. Обычно Ульяна возила с собой термос, но сегодня утром в спешке забыла его на столе.

Тошнота становилась невыносимой, пришлось прибавить скорости, к счастью, дорога была свободна.

У кафе Ульяна припарковалась и почти на ватных ногах вышла из машины. Вцепившись пальцами в барную стойку, она заказала двойной кофе и кое-как добралась до ближайшего столика.

В голове шумело, сердце колотилось уже где-то в горле.

«Черт тебя подери, идиотка... как можно было вообще выйти из дома без термоса?»

Наконец официантка поставила перед ней большую белую чашку, и Ульяна, обхватив ее двумя руками и даже не замечая, что обжигается, сделала глоток.

Горячий кофе побежал по пищеводу, упал обжигающим угольком в желудок, но тошнить стало меньше.

Зато в голове тут же зазвучал мужской голос: «А все потому, что ты стала преступно мало внимания уделять тренировкам. Нельзя быть хорошей, когда можно быть лучшей. Ты не должна «не проигрывать», ты обя-

зана всегда побеждать, потому что у тебя есть для этого все данные. И в спорте, и в работе. Хорошо, сейчас ты уже не принимаешь участия в соревнованиях, но не приходиться в зал неделями нельзя. Ты должна соблюдать режим, должна тренироваться и поддерживать тело в правильной форме. Как, собственно, и голову. Поэтому допивай свой кофе, садись в машину и марш домой. Собери сумку и поезжай в спортзал, у тебя еще много времени до завтра. Потрать его с пользой».

Ульяна зажала руками уши, словно это могло заставить голос в голове замолчать, хотя и знала — не поможет. Нужно допить кофе, сесть в машину и ехать, только так этот голос замолчит.

По дороге Ненашева прокручивала разговор с владелицей клиники и никак не могла понять, какой момент ее царापнул — тошнота спутала все мысли, но Ульяна четко помнила свою реакцию на какую-то фразу Драгун.

«Да, точно... психолог же! Беседы с психологом, который дает заключение. Вот это, конечно, довольно неприятно, именно на этом моменте мне стало не по себе. Хотя... я видела этих психологов... армию психологов, и что? Ничего. Любому человеку можно сказать то, что он хочет услышать, главное, понять, что это».

В держателе на панели зазвонил телефон, Ульяна нажала кнопку громкой связи:

— Да, мама, я тебя слушаю.

— Ульяша, ты где?

— Еду домой с собеседования.

— И... как прошло? — настороженно поинтересовалась мать.

— Замечательно прошло, мам. Меня взяли на испытательный срок, завтра приступаю. Клиника просто супер, о таком месте работы только мечтать.

— А... ты сказала, кто ты?

— А кто я, мам? Я Ульяна Ненашева, хирург-пластик. Это и сказала.

— Ой, делай, как хочешь, ты ведь все равно меня не слушаешь. К нам заедешь?

— Да я же вчера у вас была, мам. Хотела в зал еще успеть сегодня, не была давно.

— Ну, как хочешь. А... спасибо сказать сама позволишь?

— Лучше ты, — смалодушничала Ульяна. — Скажи, что я сегодня буду занята в зале до самого вечера, не до звонков.

— Хорошо, скажу.

Сбросив звонок, Ульяна вдруг заметила, как подрагивают пальцы левой руки на руле.

— Ну, этого только не хватало! — разозлилась она и крепко сжала оплетку, так, что побелели костяшки. Расслабила кисть, убрала руку с руля, растопырила пальцы — нет, все в порядке, дрожь пропала. — Показалось, что ли? Ладно, все, берем себя в руки, хватит. У меня нет поводов нервничать, все хорошо...

Регина

День тянулся невыносимо медленно, как будто время превратилось в прилипшую к подошве ботинка жвачку, и она никак не отлепляется, а только делается все длиннее и тоньше.

Я включила телевизор, но сразу наткнулась на интервью с Ленкой Красильниковой, моей заклятой подругой еще со времен ВГИКа, и палец автоматически нажал кнопку «выключить». Правда, визгливый голос Красильниковой еще пару минут звучал в ушах, причиняя почти физическую боль.

Многие сказали бы, что это зависть. Нет, это не была зависть, да и чему там особенно завидовать? Ролей у меня было больше, поклонников тоже хватало, зарабатывала я несравнимо с ней — а что еще? Муж? Да ни за что я не обменяла бы свою свободу на такого, как ее Петечка, — толстый потеющий боров в вечно лопающихся по швам костюмах. Ну да — работает где-то в Мосгордуме, ну и что? Уже одно то, как он натужно сопит при ходьбе и постоянно вытирает скомканными платками лоб и бычьей шеей, навсегда объяснило мне, что физическая привлекательность мужчины для меня куда важнее его финансовых и остальных возможностей. Так что чему уж там завидовать у Ленки...

Саднило лицо, хотелось вцепиться ногтями в щеку и драть ее до тех пор, пока не покажется скуловая кость — может, тогда этот отвратительный, выматывающий зуд оставит меня хоть на минуту.

Таблетки уже не действовали, но временно помогал лед, и я поплелась в кухню, достала из морозильной камеры пакет и прижала к лицу.

Сперва стало очень больно, но потом потихоньку замерзающая кожа перестала чувствовать и откликаться болью.

Свернувшись калачиком в большом кресле у камина, я попыталась задремать. Это почти удалось, я уже начала даже видеть какой-то сон, когда в прихожей

раздался звук проворачиваемого в замке ключа, а потом голос Ариши:

— Регинка, я все устроила!

— Черт тебя побери... — пробормотала я и с трудом выбралась из кресла.

Бессонница последних дней выматывала физически, подкашивались ноги, меня шатало, но спать ночами я все-таки не могла. Стоило закрыть глаза — начинались кошмары, от которых хотелось выпрыгнуть в окно.

— Ты где? — уже шлепая задниками тапочек по коридору, спросила Ариша, попутно открывая все попадавшиеся на пути двери.

— Да здесь я, что ты так орешь-то? — Я вышла из каминной, по-прежнему прижимая к щеке уже растаявший пакет.

— Болит? — сочувственно справилась мой агент, по-хозяйски отодвигая меня со своего пути и устремляясь в кухню.

— А ты как думаешь? — проскрежетала я, направляясь следом.

Ариша всегда чувствовала себя в моем доме как в собственном, буквально с первого дня, как стала моим агентом.

Такое впечатление, что мой дом, моя машина, мои вещи — все автоматически приравнивалось к моим делам, которые она вела, к интервью, которые организовывала. Всем этим Ариша распоряжалась по своему усмотрению и абсолютно не задумываясь о том, нравится ли это мне.

Порой мне ужасно хотелось поставить эту излишне простую девицу на место — на то, которое она и должна бы занимать по роду своей деятельности, но я в послед-

ний момент вспоминала, что Аришу вырастил дядя — один, даже без жены, что она не получила в детстве той заботы и ласки, что достаются девочкам от матерей, что ей, в общем-то, никто не прививал какие-то тонкие вещи, вроде правил поведения и общения с людьми. Это меня останавливало, а Ариша продолжала залезать в мою гардеробную и выбирать там вещи, чтобы отправиться на деловую встречу — благо рост и комплекция у нас были одинаковыми. Да и покупала она эти вещи сама, чего уж... Для человека с низкой самооценкой моя агент порой бывала довольно беспардонной.

Вот и сейчас Ариша без смущения открыла холодильник, залезла в шкаф и вынула упаковку кофейных капсул, зарядила кофемашину, отрезала кусок ветчины и закинула его в рот, как голодная чайка — только что выловленную рыбу.

Стараясь не раздражаться, я сунула в морозильную камеру ставший теплым и бесполезным пакет, оторвала кусок бумажного полотенца и приложила к намокшей повязке.

— Не трогай! — тут же вклинилась Ариша. — Надо сменить, а то загноится. И вообще — давай-ка вещи соберем, я билеты уже купила, вылетаем ночью.

Большие часы в простенке между окон показывали половину седьмого, значит, времени на сборы не так уж много.

— Куда мы летим?

— В клинику. Дядя договорился, все будет в порядке. Там никто вопросов не задаст, лежать будешь в отдельной палате, сделают все в лучшем виде — по его словам, там какая-то богиня от пластической хирургии работает, может из дерьма конфетку собрать.

— Ну, спасибо вам, Арина Витальевна! — иронично